

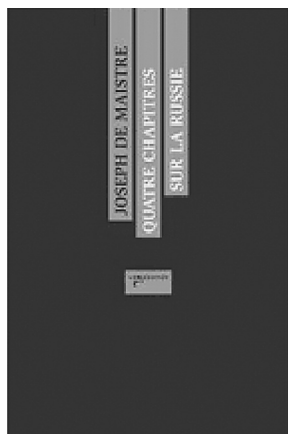
## Блестящий донос на просвещение

DOI: 10.53953/08696365\_2025\_192\_2\_401

**Maistre J. de. Quatre chapitres sur la Russie / Édition établie, présentée et annotée par Pierre Glaudes.**

Paris: Vagabonde, 2024. — 222 p.

Жозеф де Местр (1753—1821) — один из видных представителей консервативной мысли начала XIX в., отличается от своих единомышленников и современников, таких, например, как Луи де Бональд, прежде всего формой своих сочинений. Местр писал так, что его стилистическому блеску и напору очень трудно противостоять, даже если не разделяешь его идеи. В России же к Местру всегда проявляли особый интерес. Ведь он прожил четырнадцать лет (1803—1817) в Санкт-Петербурге, где был полномочным послом сардинского короля Виктора Эммануила I, а свои философские, теологические и политические идеи изложил в изданной посмертно (1821) книге под названием «Санкт-Петербургские вечера», которая открывается поэтическим описанием петербургской белой ночи и памятника Петру, чья «страшная десница и поныне простерта над головами потомков, теснящихся вокруг царственного монумента, — и не постичь, глядя на эту бронзовую длань, грозит она или защищает»<sup>1</sup> (фрагмент, считающийся одним из текстов, вдохновлявших Пушкина при создании «Медного всадника»). За четырнадцать лет Местр завязал в Петербурге немало знакомств среди русских аристократов и сановников; в число его собеседников входили, в частности, министр народного просвещения граф А.К. Разумовский и обер-прокурор Синода, начальник Главного управления



духовных дел иностранных вероисповеданий князь А.Н. Голицын<sup>2</sup>. Выходя за рамки строго дипломатических обязанностей, Местр использовал эти знакомства для того, чтобы попытаться оказать влияние (как ему казалось, благотворное) на императора Александра I, а следовательно, на внутреннюю политику России. С этой целью он написал несколько сочинений, прежде всего «Пять писем о народном образовании в России» (лето 1810 г.), адресованных графу Разумовскому, и «Четыре главы о России» (декабрь 1811 г.), негласно обращенные непосредственно к императору. Сочинения эти были опубликованы через много лет после написания: «Пять писем...» в 1851 г., «Четыре главы...» — в 1859-м. После этого «Четыре главы» были переизданы еще раз — в восьмом томе лионского собрания

- 1 Местр Ж. де. Санкт-Петербургские вечера / Пер. с фр. А.А. Васильева под ред. А.Г. Терехова. СПб.: Алетейя, 1998. С. 8.
- 2 Комментатор французского издания Пьер Глод называет Голицына министром духовных дел, допуская небольшой анахронизм: Министерство духовных дел и народного просвещения было учреждено только в 1817 г., когда Местру пришлось покинуть Россию; впрочем, Глод здесь следует за самим Местром, который в донесениях сардинскому королю именовал князя именно так — министром.

сочинений Местра (1884), куда вошла и примыкающая к ним «Записка о свободе народного образования». Нынешнее французское издание «Четырех глав...» — третье по счету и первое научное: текст выверен по рукописи и снабжен вступительной статьей «Макиавелли от теократии»<sup>3</sup>, по объему равняющейся самому сочинению Местра, а также подробными примечаниями, в которые вошли и реальный комментарий, и библиографические уточнения, и «параллельные места» из других работ Местра<sup>4</sup>.

Уже в «Записке о свободе народного образования», врученной князю Голицыну 6 октября 1811 г. для передачи императору (свобода в понимании Местра заключалась в данном случае прежде всего в том, чтобы не препятствовать педагогической деятельности в России иезуитов и позволить им открыть здесь независимую академию или университет), Местр намекал:

Сегодня не подлежит сомнению, что *вот уже три столетия существует в Европе тайная сила, которая трудится неустанно ради низвержения христианства и христианских престолов*. Кто не знает этого, не знает ничего. Но вот чего не знает никто — что держава, подвергающаяся в настоящее время атакам самым страшным и самым изощренным, — это Россия; ее атакуют сильнее всего, и она от этих атак менее всего защищена (с. 10—11).

И прибавлял: «Может это быть показано в особой записке, коль скоро изъявлено будет желание ее получить» (с. 12).

Александр намек понял и такое желание изъявил. Записка, законченная 16 (28) декабря 1811 г.<sup>5</sup> и врученная императору князем А.Н. Голицыным<sup>6</sup> в феврале следующего года, состояла, как и явствует из названия, из четырех глав: 1) «Свобода»; 2) «Наука»; 3) «Религия»; 4) «Иллюминатство», а также Приложения к четвертой главе и Заключение. В отличие от «Пяти писем...» и «Записки о свободе народного образования», которые в России распространялись в копиях, «Четыре главы...» были рассчитаны исключительно на прочтение монархом, в полном соответствии с установками иезуитов, которые были предметом неизменного восхищения Местра, и масонов, с которыми он был близок в юности: и те и другие считали, что в обязанности мыслителя входит «поучение государей», но происходить оно должно втайне: «...есть множество вещей, которые государь исполнит лучше, если сохранит их в сердце своем и уподобится Природе, которое все делает, но ни-

- 
- 3 Выражение французского писателя румынского происхождения Эмиля Чорана, которого у нас принято транскрибировать так, хотя во Франции его, разумеется, именуют Сьораном (Cioaran).
  - 4 «Четыре главы» были однажды напечатаны по-русски (*Местр Ж. де. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции / Пер. с фр. А.П. Шурбелёва. СПб.: Владимир Даль, 2007*). Перевод добротный, однако порой обремененный лишними словами и некоторыми неточностями (так, упоминаемое у Местра *vin ardent* Шурбелёв переводит как «горячее вино», между тем русские мужики если что и пили, то не глинтвейн; имеется в виду просто водка), поэтому ниже я привожу цитаты из сочинения Местра в своем переводе.
  - 5 Дата, стоящая в конце рукописи; это уточнение следует учесть всем, кто впоследствии будет писать о «Четырех главах...»; до сих пор считалось на основании донесения Местра сардинскому королю от 31 октября (12 ноября) 1811 г., что «Четыре главы...» написаны в *октябре* 1811 г.
  - 6 А не Разумовским, как считал сын Местра Родольф, впервые опубликовавший «Четыре главы...»; Глод подробно обосновывает это мнение, идя, как он сам указывает, следом за М. Степановым (псевдоним А. Шебунина), автором статьи, опубликованной в «Литературном наследстве» (1937. Т. 29/30).

когда не говорит заранее: я это сделаю» (с. 140). Местру же как сардинскому дипломату приходилось держать свой трактат в секрете даже от собственного короля: он сообщал, что не сумел найти надежного переписчика и потому не может послать Виктору-Эммануилу текст своего сочинения, на самом же деле ему просто не хотелось показывать, как далеко он зашел в наставлениях иностранному государю.

Попробую коротко изложить содержание глав.

1. Свобода — это то, чего человек после грехопадения не достоин; он развращен, не способен желать добра, если им не руководят богопомазанные государи. Споря с Руссо, который утверждал, что человек рождается свободным, Местр преподносит в качестве непререкаемой истины: «...человек вообще, если он предоставлен сам себе, так злонравен, что не годен для свободы» (с. 103). В особенности же не готовы к свободе русские крепостные крестьяне; в настоящее время каждый помещик следит за порядком в своем поместье и держит своих крепостных под контролем, если же дать им свободу, одних законов не хватит, чтобы удержать крестьян от смуты и бунта. Это могла бы сделать религия, но статус и образование православного духовенства не позволяют ему исполнить эту роль, тем более что русские — народ страстный, они умеют *желать* (качество, вызывающее у Местра восхищение и едва ли не зависть, но одновременно и тревогу). «Если бы можно было запереть русское желание в крепость, оно бы эту крепость взорвало» (с. 111)<sup>7</sup>, а православная религия умирять эти желания еще не научилась: «Крестьянин, возможно, скорее умрет, чем съест скоромное в постный день, но если надобно подавить страсть — тут на него рассчитывать не приходится» (с. 110). Поэтому спешить с освобождением крестьянства ни в коем случае не стоит: нужно положить-ся на время, «первого министра Господа в земном мире» (с. 27) и природу, а там, глядишь, какие-нибудь обстоятельства сами приведут к этому освобождению: «Все совершится без шума и бедствий, как совершаются в нашем мире все великие вещи» (с. 115).

2. Науки, прежде всего науки естественные, но также история или география — это все то, чего государь должен сторониться и от чего должен уберечь своих подданных, поскольку они превращают человека в существо «горделивое, охмеленное самим собой и собственными идеями, врага всякой субординации, ненавистника всех законов и установлений, врожденного адепта любых новшеств» (с. 119). Науки взращивают в людях низших сословий безграничное честолюбие и тем расшатывают устои государства, как это произошло во Франции в конце XVIII в. А тем, кто собирается управлять людьми, наука не нужна и даже вредна, потому что ученые к этому вовсе не способны; здесь принесет пользу только изучение классической изящной словесности. Понятно, что эта глава направлена в первую очередь против реформ Сперанского, который предлагал включить в экзамены на чин испытания по самым разным наукам. Не то чтобы Местр желал вообще изгнать науки из жизни России, но поскольку, с его точки зрения, никакого равенства в обществе не существует и существовать не может, каждое сословие должно изучать только то, что ему полезно в его нынешнем состоянии, и не пытаться узнать лишнее: просто-душное невежество куда лучше дурного использования премудрости, вычитанной в книгах. Вообще книги должны попадать в руки далеко не ко всем; Местр очень одобряет тот факт, что трактат Мефодия, архиепископа тверского, написан и напе-

7 Фраза, ставшая известной задолго до публикации «Четырех глав...», потому что ее услышала от Местра в Петербурге Жермена де Сталь и привела, не называя фамилии, как слова «человека выдающегося ума» в своей книге «Десять лет в изгнании» (1821), а затем по ее книге эти слова процитировал Астольф де Кюстин в своей «России в 1839 г.» (см.: Кюстин А. де. Россия в 1839 году. СПб.: Азбука-Аттикус, 2020. С. 576, 965).

чтан на латыни, ибо «все книги такого рода и многие другие должны становиться известны тем, кому их знать надлежит, немедленно, всем же прочим — со временем или вовсе никогда» (с. 135). Местр и сам, несмотря на свои глубокие и широкие познания, аттестует себя прежде всего как «экспериментального политика» (с. 116), для которого исторический опыт и здравый смысл важнее любых абстрактных теоретических построений.

3. Глава «Религия» — гневное обличение протестантизма, вред которого очевиден уже по одному его названию: если католическая церковь учит свою паству повиновению верховной власти, как церковной, так и светской, то протестанты с их проповедью свободы критического мышления эту власть расшатывают; они всегда только и делают, что протестуют (формулировка, которую Местр охотно повторял при любом разговоре об этом изводе христианства, в частности в своем трактате «О папе»). Православная церковь, уверен Местр, только выиграет от союза с католической, а от протестантов русскому государю следует держаться подальше и ни в коем случае не допускать их к воспитанию юношества, что, к ужасу и негодованию Местра, происходит в России сплошь и рядом: «...немецкое воспитание <...> просачивается в Россию, точно яд, и наносит невообразимый урон» (с. 134). Местр представляет дело так, что, предлагая православному монарху всячески приветствовать развитие в его стране католического культа, он выступает исключительно как беспристрастный и доброжелательный наблюдатель, заботящийся лишь о благоденствии России; меж тем на самом деле им в гораздо большей степени двигал католический прозелитизм, причем не только теоретический, но и практический: немало русских дворян и прежде всего дворянок в 1800—1810-е гг. обратились в католичество из-за общения с Местром. В первую очередь, как справедливо отмечает Пьер Глод, Местра волнуют интересы католической церкви (что он, впрочем, объясняет тем, что именно она стоит на страже монархического порядка, кажущегося ему единственно правильным и спасительным).

4. И наконец, четвертая глава — «Иллюминатство»<sup>8</sup>. Если в предыдущей главе основными врагами существующего порядка были представлены протестанты, то здесь речь идет о врагах еще более могущественных, потому что действующих более скрытно и более изощренно. Это не обычные масоны, чью деятельность Местр считает даже полезной для самосовершенствования причастных, но члены «проклятой секты» иллюминатов, в самом названии которой уже заложена идея света, проливаемого на старинные предрассудки, то есть просвещения, а просвещение, по Местру, и есть главное орудие разложения существующего порядка (см. главу о науке). В четвертой главе конспирологическое, выражаясь современным языком, мышление Местра разыгрывается во всю мощь: иллюминаты, плод «прививки современного философия к протестантизму» (с. 150), в союзе с евреями (куда ж без этого?) опутывают монархические государства тайными сетями с целью подорвать их основы.

Пьер Глод обрисовывает в своей вступительной статье основные риторические средства, с помощью которых Местр рассчитывает повлиять на своего коронованного читателя. Во-первых, это безапелляционные суждения, которые никак не аргументируются и которым предлагается верить безоговорочно, просто потому что это истины, известные всем испокон веков: «...ни одной нацией невозможно управлять только с помощью законов, этого никогда не случалось и никогда не случится» (с. 109). Максимы такого рода вводятся словами «всегда», «никогда», «всякий раз,

8 В переводе А.П. Шурбелёва почему-то «О просвещении», хотя Местр употребляет здесь слово *Illuminisme*, а не *Lumières* и при всей своей ненависти к просветительской философии XVIII в. осуждает прежде всего членов «секты» иллюминатов.

когда» и проч.; иногда за ними следует пояснение: «Это так очевидно, что не заслуживает особого пояснения» (с. 117). Максимы Местра носят обобщающий характер, но форма их почти всегда по-местровски эффектна; он охотно играет повторами слов и ошеломляет парадоксами: «Никогда ни одним большим народом невозможно было править с помощью правительства»; лишь потом следует пояснение: «только правительства» (с. 112) или «В малых дозах наука — благо, в больших — яд» (с. 128). Ненависть Местра к философам XVIII в. носит не только теоретический характер; он сам предпочитает абстрактным построениям яркие образы, почерпнутые из материального мира: «Свобода произведет на темперамент русских людей то же действие, какое водка производит на человека, к ней не привыкшего» (с. 114). Утверждение, что помещики могут лучше управлять своими крестьянами, чем стали бы управлять ими губернаторы, Местр подкрепляет следующим тезисом: «Конь всегда лучше слушается хозяина, чем путника, который оседлал его на час или два» (с. 112). А необходимость соблюдать осторожность в освоении наук доказывается следующей сценкой: «Наука — порядочная женщина, которая не поддается насилию; она отдается сама. Надобно взять ее в жены, а перед тем долго за ней волочиться» (с. 128). Или другой сценкой, не менее наглядной: «Трудности, отделяющие нас от овладения науками, можно представить в виде глубокого рва, отделяющего нас от прекрасного дворца. <...> но тот, кто попытается перепрыгнуть через ров, не имея для этого сил, не сможет спокойно воротиться домой; он упадет в ров и, если не утонет, будет освистан» (с. 121—122)<sup>9</sup>. Максимы Местра отличаются не только своей выразительностью, но и тем, что хотя он и заверяет адресата-императора в «живейшей привязанности к его любезной и августейшей персоне» (с. 177), он нередко, обращаясь к нему, употребляет императивные конструкции: «Да не переступит профессор-протестант порога ни одной семинарии, ни одной школы, ни одного университета греческого или латинского вероисповедания» (с. 139—140). Местр умен и прекрасно знает, какие аргументы могут противопоставить ему люди иных убеждений; он приводит их и немедленно категорически опровергает. Он задает сам себе вопрос от лица этих несогласных: что общего у талантов с наследственным правлением? Ведь по наследству престол может попасть к безумцу или злодею. Но для Местра тут проблемы нет; он отвечает воображаемому оппоненту: «Нет ничего естественнее, лучше, прочнее, что наследственная монархия, и нет ничего хуже, чем монархия иная» (с. 126). Почему? Потому что.

После прочтения «Четырех глав...» становится вполне понятен смысл эпитета «охранительный». Местр наставляет императора, которому, хотя это и не объявлено в тексте напрямую, адресованы «Четыре главы...», направляет его, предостерегает. Он ставит себя в позицию ментора, однако ментор это своеобразный. Его главное орудие — страх; он постоянно пугает императора-адресата. Он пугает его появлением вследствие освобождения крепостных крестьян «университетского Пугачева» (с. 114). Он пугает его наступлением «духа века сего», который «проникает отовсюду в страну, жившую прежде в древней простоте. Везде рождаются секты: иные нелепы, иные опасны, иные чудовищны. Философизм, который не брезгует ничем, пользуется для истребления христианства наукой, которую обрушили на Россию. <...> Ни один государь не находился еще в такой опасности, какая грозит императору российскому: чудовищная секта, захватившая нынче Европу, уподоб-

9 О местровской привычке описывать явления духовного мира с помощью метафор и сравнений, почерпнутых из мира материального, см.: *Мильчина В.А.* «И вечные французы...»: одиннадцать статей из истории французской и русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 8—27.

лена может быть ядовитому растению, которое еще ядовитее становится при пересадке в новую почву» (с. 131, 133). Он пугает императора порчей нации по вине злокозненных наук: «Каждый подданный государя, который приобщится к наукам, отдалится от религии; национальный характер изменится к худшему; тот христианский фатализм, который двигал русским солдатом и делал его наилучшим в мире, исчезнет; солдат примется рассуждать, а следственно, станет опаснее для своего повелителя, нежели для противника, и проч., и проч.» (с. 141). Он пугает императора всесилием иллюминатов, которые «заручались поддержкой янсенистов в борьбе против папы, поддержкой якобинцев в борьбе против королей и поддержкой евреев в борьбе против христианства в целом: иллюминатство — это чудовище, составленное из всех прочих чудовищ, и если мы не уьем его, оно убьет нас» (с. 155), а в довершение всего «величайший и ужаснейший талант этой проклятой секты» заключается в том, что они «ставят государей себе на службу ради того, чтобы их погубить» (там же). Члены секты, заверяет Местр, запугивали государей «вымышленными опасностями», но сам-то он указывает на опасности настоящие. Наконец, он пугает императора цитатами из протестантских философов, утверждающих, что люди имеют право сопротивляться с оружием в руках тому монарху, который посягает на их законные права: «Вскоре университеты, уже ставшие протестантскими или становящиеся таковыми, познакомят с этими сочинениями раскольников, и те бесспорно сочтут их превосходными» (с. 171).

Пьер Глод сделал свою работу образцово: насколько Местр пристрастен и склонен заменять аргументы безапелляционными приговорами, настолько Глод бесстрастен и лишь считанное число раз позволяет себе оценочные суждения. Например, процитировав уверения Местра в том, что в его рассуждениях «нет и толики духа партии», Глод прибавляет, что это, конечно, невозможно прочесть без улыбки. Что более серьезно, погружая «Четыре главы...» в исторический контекст, Глод не только обрисовывает для французского читателя российскую общественно-политическую ситуацию начала XIX в., но и выстраивает с помощью исторической контекстуализации своеобразную защиту Местра. Он признает, что хладнокровные до жестокости рассуждения Местра могут показаться отвратительными<sup>10</sup>. Однако, продолжает он, следует помнить, что все это написано после Французской революции, и жестокость Местра не более чем ответ на жестокость революционеров. И следовательно, Местр не предшественник идеологии тоталитаризма, как считал, например, Исая Берлин, а всего лишь апологет монархии авторитарной, но толерантной. Сходным образом Глод старается защитить Местра от обвинений в антисемитизме: конечно, в главе об иллюминизме евреи представлены едва ли не главными действующими лицами «проклятой секты» или, во всяком случае, ее самыми деятельными помощниками, но тут, по мнению Глода, в Местре говорит традиционная христианская нетерпимость к иудаизму, так что нет оснований видеть в нем единомышленника тех антисемитов, которые создавали и распространяли «Протоколы сионских мудрецов».

Глод порой встает на защиту издаваемого автора, но в основном, как уже было сказано, сохраняет спокойствие и бесстрастность. С тем же спокойствием и лаконизмом он в самом конце своей вступительной статьи объясняет причины, по которым решил именно сейчас переиздать «Четыре главы...». «Сейчас, — пишет он, — русское общество вновь вспомнило — к счастью или, что более вероятно, к не-

10 Показательный пример: сообщив, что, согласно Тациту, в Древнем Риме однажды казнили разом четыреста рабов, поскольку закон требовал умерщвлять всех рабов римского гражданина, убитого в своем доме, Местр хладнокровно замечает: «Речи, произнесенные по сему поводу в Сенате, крайне любопытны» (с. 105).

счастью — об антизападном консерватизме и традиционных ценностях» (с. 99), и сквозь призму местровской мысли можно разглядеть «соблазны и надрывы, которые вызревали в это обществе еще в ту далекую пору» (там же). Впрочем, историческому контексту сочинения Местра Глод уделяет гораздо больше внимания, чем контексту актуальному, которому посвящает всего один абзац.

Сдержанность Глода достойна уважения, однако возникает желание вернуть Местру Местрово и взглянуть на его систему суждений и доказательств с чуть меньшим хладнокровием. В сущности, «Четыре главы...» — образцовый, стилистически блестящий (как всегда у Местра) донос на саму идею развития<sup>11</sup> и в то же самое время апология стагнации и стабильности: не нужно делать ничего ни для развития наук, ни для освобождения крестьян; от этого один вред; природа всему голова, все, чему суждено развиваться, разовьется само постепенно. А что нужно делать? Следить и давить. Следить за нарушениями порядка, установленного от века; давить — нарушителей. А оттого, что донос этот написан блестяще и при отсутствии доказательности сохраняет убедительность, он ведь еще опаснее.

Впрочем, несмотря на весь блеск, в России Местр потерпел неудачу: Александр выслал ненавистного ему Сперанского, но и его, Местра, себе в советники не взял. Милых сердцу Местра иезуитов выслали из Петербурга в самом конце 1816 г., а из России — в 1820-м. Самому Местру пришлось покинуть Петербург в 1817 г. Местр, конечно, был глубокий и яркий мыслитель, и недаром его наследию посвящены многочисленные статьи и монографии. Но не случайно в конечном счете вышло так, что чаще всего его вспоминают в связи со страшной страницей из первой беседы «Санкт-Петербургских вечеров» — апологией палача как фигуры, на которой держится общество.

---

11 В тексте есть и вполне конкретные доносы: Местр перечисляет сочинения, которые напечатаны в России с разрешения цензуры, однако содержат вещи, с его точки зрения, крамольные и святотатственные (с. 134). Он, правда, пересказывает их содержание, не приводя названий, но, судя по тому, что их удалось более или менее точно идентифицировать сегодняшнему комментатору, современники Местра тем более могли справиться с этой задачей.